

„Советский артист“ 1961, 20 сент.

ХУДОЖНИК, ГУМАНИСТ, ПАТРИОТ

УКАЗОМ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября **Борису Александровичу Покровскому** присвоено звание народного артиста Советского Союза.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что столь высокое признание его заслуг является для всех коллективов нашего театра большим и радостным событием. И в этом нет ничего удивительного: ведь почти 20 лет все свои творческие силы, весь свой талант художника и энергию организатора Борис Александрович отдает почти без остатка именно Большому театру, и все, наиболее значительное в области оперных постановок и в наиважнейшем деле создания спектаклей на современную тему, так или иначе связано с его именем.

Как же не радоваться, что многолетняя и плодотворная деятельность одного из художественных руководителей Большого театра отмечена вниманием нашего правительства? Ведь этот Указ Президиума Верховного Совета СССР в значительной степени характеризует и работу всего театра в целом, почему, повторяю, он не может не волновать и не радовать все творческие коллективы.

Что касается лично меня, то я радуюсь вдвойне, ибо в пору своей артистической зрелости мне посчастливилось встретиться с таким замечательным художником, как Борис Александрович, и все свои лучшие работы осуществить в тесном и нерушимом сотрудничестве с ним.

«Евгений Онегин», «Великая дружба», «Аида», «Фиделио», «Травиата», «Франческа да Римини», «Банк-бан», «Война и мир», «Судьба человека» — вот спектакли, поставленные мною с **Б. А. Покровским**, и, положив руку на серд-

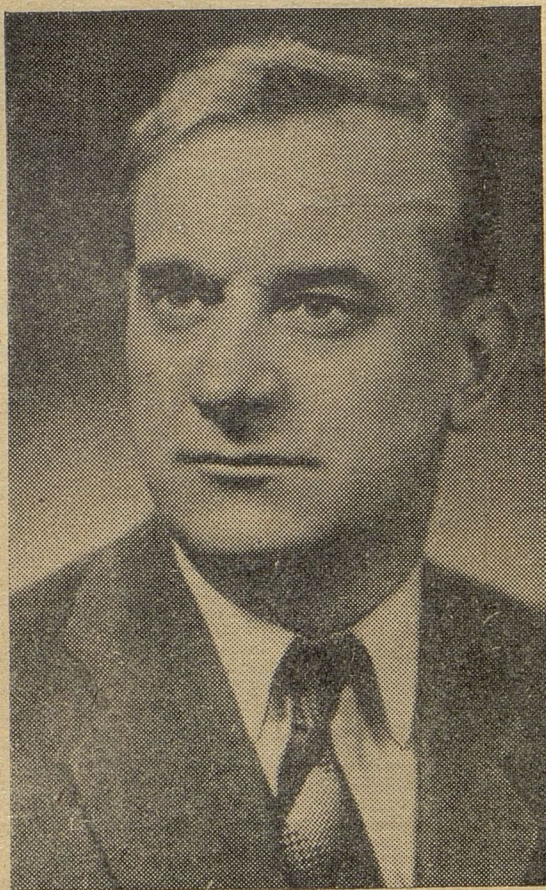
це, могу сказать, что никогда за все годы работы ни тени недомолвок, ни холодка неудовлетворения не пробегало между нами, не пробегало вовсе не потому, что мы закрывали глаза на взаимные недостатки в нашей работе. Отнюдь нет! Здесь дело в тождестве художественных взглядов и вкусов, в творческом единении, которое, разумеется, пришло не сразу, но все более и более с каждой новой работой углубляло и цементировало нашу творческую дружбу.

КАКИЕ черты являются, с моей точки зрения, наиболее замечательными в артистическом облике **Б. Покровского**? Во-первых, **творческое беспокойство, постоянные поиски правды.**

Борис Александрович — неумный художник: он ставит жадно, много, но пылливо и самокритично, никогда не останавливаясь перед тем, чтобы безжалостно разрушить созданное во имя лучшего. Все работавшие с ним, наверное, помнят, как, поставив заключительную сцену оперы «Фиделио», он понял, что вопреки героичности образа победившего народа, с такой потрясающей силой выраженного в музыке, его мизансцены недостаточно четки и монументальны. На следующих репетициях он переставил весь кусок, не оставив кам-

ня на камне от прежней работы, после чего весь финал спектакля преобразился и засверкал, проникнутый подлинно бетховенской силой ликования.

Или еще пример: сделав к концу прошлого сезона два варианта сце-

Борис Александрович Покровский.

ны хора из первой части «Судьбы человека», он, будучи неудовлетворенным своей работой, на сентябрьских репетициях оперы показал третий вариант, поставленный им уже после летнего перерыва.

Разве не говорит это о **постоянно гложущем художника чувстве беспокойства, стремлении к правдивости в искусстве, жгучем желании быть до конца честным в своем деле?**

Другая черта, присущая творчеству **Б. Покровского**, — это **обостренное и всегда правильное ощущение музыки.** Борис Александрович понимает музыкальную драматургию оперы в целом подобно профессиональному музыканту. Он отлично разбирается в стройной архитектонике произведения, безошибочно умеет отделить главное от второстепенного, тонко чувствует все психологические «досказы» оркестра, столь важные для оперного режиссера, ибо они зачастую говорят ярче и значительнее всяких слов. Кроме того, что также ценно, он горячо любит и умеет слушать музыку и всегда готов отжаться безмятежному наслаждению восприятия прекрасного, причем его подвижное, выразительное лицо художника (чем-то неуловимо напоминающее молодого Гоголя с венерианского портрета) делается в эти минуты еще более привлекательным.

В своей режиссерской работе он всегда убежденно исходит из примата музыки и, тщательно изучая литературный первоисточник и все подсобные материалы, строит всю свою творческую работу только на **реальном звучании партитуры, только на четкой концепции музыкальной драматургии произведения.**

В связи с вышесказанным мне кажется, что в творческий актив **Б. Покровского** должны были бы быть вписаны две оперы, наиболее соответствующие духу его дарования. Я имею в виду «Пиковую даму» и «Кармен». Ведь противоречивость совмещения страсти к картам и любви к Лизе в двойствен-

ном образе Германа, начисто отсутствующая у **А. Пушкина**, создает необычайную сложность для восприятия основной идеи гениального произведения **П. Чайковского**; в равной мере лаконичный объективизм повести **П. Мериме** имеет мало общего с брызжащей зноем страсти блестящей партитурой **Ж. Бизе**; здесь нужен глубоко тактический подход талантливого режиссера-психолога-музыканта для того, чтобы в значительной степени разрешить эту сложную проблему.

И, наконец, в-третьих, и это самое главное, — **глубокая человечность, гуманизм и острое чувство современности как первооснова всей творческой деятельности Б. Покровского.**

Во всех своих работах он прежде всего советский художник, трактуемый как классические, так и современные сюжеты с единственно правильной и передовой позиции искусства, устремленного в будущее, — с позиции социалистического реализма. Поэтому, как в старушке «Аиде», так и в современных операх, таких, как «Война и мир», «Джалиль» или «Судьба человека», талантливый мастер оперной сцены прежде всего подчеркивает идейную значимость произведений, большие и сильные чувства героев, славные деяния народных масс. Поэтому трагический конец **Джалиля** или тяжелая судьба **Андрея Соколова** в режиссерской интерпретации **Б. Покровского** воспринимаются нами через оптимистическое ощущение действительности, воспевающей красоту вечной жизни в ее беспрестанном движении вперед.

БОРИСУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОКРОВСКОМУ скоро исполнится 50 лет. Он находится в полном расцвете своих физических и духовных сил. Его прекрасный талант с каждым новым произведением, поставленным на сцене нашего театра, вписывает в летопись советской оперы славную страницу.

Помимо кипучей творческой деятельности, он с неменьшим жаром отдается педагогике, неустанно подготавливая новые актерские и режиссерские кадры. Немало его учеников — молодых режиссеров — зарекомендовало себя с положительной стороны в своих работах как у нас в Союзе, так и за рубежом: в оперных театрах Болгарии, Румынии и других стран. То, что суммарно сделано им до сих пор, уже дает ему право на почетное место среди выдающихся мастеров оперной режиссуры, но я уверен, что он создаст еще немало замечательных работ, которые подобно многим предыдущим войдут в золотой фонд Большого театра и будут способствовать дальнейшей славе советского оперного искусства в целом.

А. МЕЛИК-ПАШАЕВ,
народный артист СССР,
главный дирижер
Большого театра.

181